

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 18-го января 1904 года.

Аргутъ.

Люди, которые путешествовали по Швейцарии и знакомы съ ея величественными картинами, на вопрос, какое производить впечатлѣніе Алтай въ сравненіи съ швейцарскими альпами, не рѣдко отвѣчаютъ, что Алтай вызываетъ болѣе могущественное дѣйствіе; онъ грандіознѣе. Такой отвѣтъ является неожиданнымъ.

Въ дѣйствительности алтайскія вершины уступаютъ въ высотѣ швейцарскимъ; наша Бѣлуха немножко ниже Монъ-блана; кромѣ того алтайскіе великаны не поднимаются сразу надъ равниной; подошвы ихъ окружены широкимъ поясомъ предгорій, поэтому надо бы ожидать, что алтайскія горы не должны производить на зрителя поразжающаго впечатлѣнія. Если вѣрить приведенному выше отзыву, то надо, значить, искать объясненія его не въ высотѣ горъ, а въ какой-то другой особенности Алтая. Нѣкоторые думаютъ, что сильное впечатлѣніе, производимое алтайскими видами, объясняется болѣе дикостью алтайской природы, не побѣжденной еще человѣческой культурой. При отсутствіи безопасныхъ дорогъ, прочныхъ мостовъ и благоустроенныхъ пристанищъ для отдыха алтайская природа чаще грозитъ опасною туристу, чѣмъ какая-нибудь другая, поддерживая въ немъ непрерывное возбужденное нервное настроеніе. Съ этимъ соображеніемъ можно согласиться, но едва ли это все. Намъ кажется, что у Алтая есть еще одна особенность, которая не столь преходяща, какъ дѣйствительность въ смыслѣ культуры. Гдѣ въ Европѣ можно, напримѣръ, найти такое обиліе мощныхъ горныхъ потоковъ? Водяная стихія проявляетъ въ Алтай такую энергію, какой европеецъ не встрѣчаетъ ни гдѣ у себя дома.

Самая замѣчательная рѣка въ Алтай по энергіи теченія — Аргутъ. Есть потоки столь же быстрые, но они бѣднѣе водой; есть потоки съ такой же массой воды, но они спокойнѣе текутъ. Ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не встрѣтите такого соединенія могучей массы съ такою головокружительной быстротой теченія, и ни одна рѣка въ Алтай не производитъ такого неизгладимаго впечатлѣнія на зрителя, какъ Аргутъ.

Въ Алтай стоитъ съзидить только за тѣмъ, чтобъ посмотреть на Аргутъ, увѣряютъ видѣвшіе эту рѣку. И въ самомъ дѣлѣ можно, пожалуй, предсказывать, что любители всего исключительнаго въ природѣ будутъ прѣзжать въ Алтай специально за тѣмъ, чтобъ взглянуть на Аргутъ.

Когда вы приближаетесь къ Аргуту съ запада, съ вершинъ рѣки Каира, то съ высокихъ горъ, окружающихъ эти вершины, Аргутъ кажется узкой бѣлой лентой, положенной въ широ-

корораскрытой пазухѣ между двумя скатами; но когда вы съ горъ спуститесь на дно аргутской долины, вы увидите большую солидную рѣку, обращенную въ бурливый потокъ. Вы привыкли такой шаловливый характеръ теченія совмѣщать только съ небольшими горными рѣчками; большіе же рѣки въ вашемъ воображеніи текли до сихъ поръ всегда важно и серьезно.

Представьте челоука зрѣлаго возраста съ возмужалыми членами, который съ юношескимъ жаромъ и запальчивостью преслѣдуетъ свою цѣль—вотъ такое впечатлѣніе производитъ эта рѣка. У большихъ горныхъ рѣкъ бурунь или кинятокъ чередуется съ зеркальцами или пространствами, гдѣ вода течетъ, хотя и стремительно, но безъ тревоги. У Аргута вся поверхность сплошь состоитъ изъ скачущихъ

ются отдѣльные всплески, какъ будто старающіеся достать вершину скалы. Гдѣ теченіе встрѣчаетъ наиболѣе препятствіе, вода дробится въ водяную пыль, наполняющую воздухъ и образующую надъ нѣкоторыми участками рѣки туманъ, замѣчаемый впрочемъ только издали.

Движущаяся стихія и особенно громъ новорачиваемыхъ въ утробѣ рѣки камней ослабляетъ ваше чувство дѣйствительности и вы пе-

ваютъ вашъ взглядъ на лету и увлекаютъ его на лѣво каждую минуту, каждую секунду; если вы будете слѣдить за волнами, вы будете исполнять эту Сизифову работу безъ конца. Вы начинаете чувствовать себя въ мистической власти ритма; неустанная работа рѣки представляется осмысленною; вы чувствуете присутствіе какой-то, хотя и неясной, задачи. Подводный каменный скрежетъ становится громче и какъ будто приближается къ поверхности рѣки; рѣка растетъ въ

вашихъ глазахъ и грозитъ наполнить долину; она наступаетъ на васъ, какъ Скамандръ на Ахилла. Вамъ кажется, что какая-то сила несетъ васъ къ рѣкѣ, что промежутокъ въ десять шаговъ, который отдѣляетъ васъ отъ рѣки, не существуетъ и что волѣ рѣки скоро подхватить ваше загнипнотизированное тѣло и унести. Есть алтайское преданіе, которое рассказываетъ, что одинъ шаманъ бросился съ камня въ Аргутъ и утонулъ въ немъ, увлекаемый можетъ быть, подобнымъ гипнозомъ. Вамъ кажется, что у рѣки есть желаніе овладѣть вашимъ тѣломъ и размолотъ его между камнями, какъ жертву какому-то творческому предпріятію, надъ которымъ она работаетъ.

Васъ одолеваетъ, страхъ погибнуть и въ то же время вы стыдитесь своего робкаго чувства, которое заставлятъ васъ, сопротивляясь охватывающему васъ впечатлѣнію. Кончается это, наконецъ, тѣмъ, что вы убѣгаете отъ рѣки, какъ ренегатъ, стыдящійся своего чувства.

Видъ Аргута съ перевала между Каиромъ и Болтуртагомъ.

Два отшельника.

(Индійская легенда*).

Былъ одинъ мудрецъ,—великій и святой мудрецъ, котораго звали Нарада. Онъ усовершенствовался въ знаніи, и обуздаль страсти своего тѣла, и подчинилъ матерію—духу и былъ господиномъ надъ самимъ собою. Не было для него ничего недоступнаго и могъ онъ совершить все, чего жаждалъ его духъ.

Боги, небесные боги, почитали Нараду за его святость и преклонялись передъ его мудростію.

И когда онъ хотѣлъ, онъ ходилъ на небо, и былъ тамъ съ богами, и бесѣдовалъ съ ними, какъ равный съ равными.

Съ неба возвращался онъ обратно на землю и чистый духъ его не осквернялся прикосновеніемъ земли, потому что былъ онъ выше всего того, что оскверняетъ.

Былъ Нарада одинъ и не было у него учениковъ, потому что никого болѣе не находилось среди людей, кто могъ-бы воспринять его мудрость. Но не скорбѣлъ объ этомъ Нарада, такъ

какъ скорбь была недоступна его великому сердцу. И то, чего не находилъ онъ среди людей, находилъ среди боговъ.

Онъ, ходилъ на небо и бесѣдовалъ съ богами и просвѣщенный божественный духъ воспринималъ его мудрость.

Однажды, по обычаю, пошелъ онъ на небо и проходилъ по дремучему лѣсу. Пахучіе цвѣты преклонялись передъ нимъ и могучія деревья бросали ему подъ ноги свои листья, чтобы мягко было ступать Нарадѣ. И мѣръ терлѣлъ передъ его лицомъ свою злобу и игиры ложилась, какъ кошки, а змѣи выпускали свой ядъ.

Аргутъ выше р. Едыгема.

рестаете думать, что это мертванъ стихія; вамъ начинаетъ казаться, что передъ вами какое-то живое тѣло, которое надъ чѣмъ-то работаетъ, которое преслѣдуетъ какую-то благородную цѣль. Когда вы сидите на камнѣ на берегу рѣки и молча смотрите на толпу бунтующихъ волнъ и слушаете бравурный ропотъ Аргута, стихіи подчиняютъ себѣ ваше мышленіе; ваши мысли принимаютъ навязанное направленіе. Вы сидите на лѣвомъ берегу рѣки; волны приближаются къ вамъ справа и убѣгаютъ отъ васъ лѣво; за ними появляются новыя волны справа и также убѣгаютъ лѣво; вы провожаете ихъ глазами; проводили одинъ рядъ, переносите глаза на слѣдующій за ними, но и эти волны увлекаютъ ваши глаза туда же, куда убѣжали прежня; когда вы отрываете свои глаза отъ

* Сюжетъ этой легенды, очень характерной для всего ин-

дійскаго міросозерцанія, заимствованъ авторомъ изъ лекцій по Раджа-йога читанныхъ извѣстнымъ знатокомъ Йогама Суоми Викондой Н.С.

Проходил Нарада по лѣсной полянѣ и среди этой поляны увидѣлъ ветхого лѣтца отшельника.

Отшельникъ стоялъ, поднося изможденныя постомъ руки къ небу, и размышляя,—размышляя такъ долго, что муравьи возвели у его ногъ высокую кучу. Борода отшельника сплелась, какъ войлокъ, и мускулы окостенѣли, и ногти вросли въ тѣло,—а онъ стоялъ и размышлялъ о совершенствѣ.

И когда замѣтилъ отшельникъ проходившаго мудреца, онъ открылъ уста, запечатанныя продолжительнымъ молчаніемъ, и сказалъ:

— Остановись, Нарада, остановись!

И Нарада остановился и спросилъ:

— Чего тебѣ нужно, человекъ?

Отшельникъ отвѣтилъ:

— Вотъ, столько уже времени стремлюсь я къ совершенству, что муравьиныя кучи выросли вокругъ меня. Попроси-же у боговъ, что бы они разрѣшили тебѣ открыть тайну и сказать—должно ли дожидаться еще ждаты? Скоро ли я достигну совершенства?

Нарада согласился на его просьбу и пошелъ дальше, и цвѣты преклонились передъ нимъ, и деревья бросали свои листья.

И на другой полянѣ увидѣлъ мудрецъ другого отшельника, который пѣлъ священные гимны и плясалъ священные танцы и всѣмъ духомъ своимъ стремился къ совершенству.

Когда другой отшельникъ увидѣлъ Нараду, онъ воскликнулъ также, какъ и первый:

— Остановись!

И мудрецъ остановился, и спросилъ, что ему нужно.

Другой отшельникъ отвѣтилъ:

— Ты идешь къ богамъ, великій Нарада! Принеси же отъ нихъ ключъ къ тайнѣ, узнать которую жаждетъ мое сердце. Скажи мнѣ, когда я освобожусь, когда я достигну совершенства?

И Нарада согласился на его просьбу и пошелъ дальше, и цвѣты преклонились передъ нимъ, и деревья бросали свои листья.

Пришелъ Нарада къ богамъ и бесѣдовалъ съ ними. Когда они смягчились его мудростью, онъ попросилъ у нихъ разрѣшенія тайны, и они согласились, потому что не было ничего такого въ мірѣ, чего не сдѣлали-бы они для Нарады.

Пришло время Нарадѣ вернуться на землю, и онъ возвращался черезъ тотъ же лѣсъ, по которому шелъ ранѣе, чтобы увидѣть отшельниковъ, въ уединеніи стремившихся къ совершенству.

И опять увидѣлъ онъ первымъ того отшельника, который стоялъ среди муравьиной кучи, воздѣвъ руки къ небу и размышляя.

Сказалъ Нарада отшельнику:

— Я былъ у небесныхъ боговъ и они разрѣшили мнѣ открыть тебѣ твою судьбу. Еще четыре раза воплотиться ты въ бременомъ мірѣ и тогда только будешь свободенъ, тогда только достигнешь совершенства.

Услышавъ эти слова, отшельникъ опустилъ руки, горько заплакалъ и воскликнулъ:

— Вотъ, ждалъ я такъ долго, что большія муравьиныя кучи воздвиглись вокругъ меня, и еще четыре раза предстоитъ мнѣ родиться, что-бы достигнуть совершенства. Такъ долго, такъ долго!

И ушелъ отъ него Нарада, а отшельникъ все тосковалъ и плакалъ, и земныя сомнѣнія овладѣвали его духомъ.

Пришелъ Нарада ко второму отшельнику и засталъ его, какъ и ранѣе, пляшущимъ и поющимъ священные гимны.

Сказалъ этотъ отшельникъ, когда увидѣлъ Нараду:

— Отчего такъ, печально лицо твое, великій мудрецъ, которого почитаютъ боги? Должно быть, ты несешь мнѣ печальныя вѣсти.

И онъ пересталъ плясать и ждалъ, что отвѣтитъ Нарада.

Мудрецъ указалъ ему на большое тамариндовое дерево, которое росло по близости—пышное дерево, отягощенное листвою,—и сказалъ:

— Видишь ли ты это? Сколько ниа немъ листьевъ—столько разъ еще ты долженъ родиться

и умереть. И только тогда ты достигнешь совершенства, когда проживешь столько жизней, сколько листьевъ на тамариндовомъ деревѣ.

Отшельникъ внимательно выслушалъ Нараду, и лицо его освѣтилось радостью.

— Такъ скоро!—воскликнулъ онъ.—О, вдвое болѣе жизни ГОТОВЪ я прожить, лишь бы достигъ въ концѣ концовъ того, къ чему такъ страстно стремится моя душа.

И благословилъ его великій Нарада на подвигъ самосовершенствованія, и сказалъ:

— Хвала тебѣ, отшельникъ, потому что духъ твой благороденъ и чистъ, и ты достигнешь совершенства скорѣе, чѣмъ было записано въ книгѣ твоей судьбы. И знай, что сила духа, подобная твоей, прокладываетъ путь къ небу. Великъ тотъ, кто не останавливается ни передъ какими препятствіями, чья бодрость не слабеетъ передъ испытаніями. Великъ тотъ, кто черпаетъ свою силу въ скорбяхъ, а не въ радостяхъ, кто крѣпнетъ среди бури, какъ

реди гроба и нѣжныя личики, заплаканныя личики дѣвушекъ, несущихъ красивой гробъ и крышку, покрытую вѣнками. Холодно.

Только она не чувствуетъ. Холодное личико съ тонкими, точно нарисованными бровями, строго глядитъ изъ цвѣтовъ; длинные свѣтлые волосы легли на блѣдныя руки, на которыхъ поблескиваетъ серебрянная ризка иконы.

Толпа за гробомъ. Стройно поютъ пѣвчій хоръ,—они закутисы въ башлыки: это—учащаяся молодежь, и ихъ голоса грустно звучатъ въ морозномъ воздухѣ.

Вотъ и родные: старая высокая жеищина—бабушка; отецъ, точно пришибленный страшной тяжестью, и мать, не сводящая суровыхъ странныхъ глазъ съ гроба: она не чувствуетъ мороза, она ничего не чувствуетъ, ничего не видитъ, кромѣ этого мертвѣго личика, и сердце ея сжимается и холодеетъ... не отъ мороза.

— „Дѣточка, холодно тебѣ будетъ!“—проносится въ ея мозгу новая мысль, и эта мысль

такъ невыносимо ужасна, что стонъ слетаетъ съ ея губъ и звучитъ страшно рѣжущей сердце жалобой, покрывая пѣніе хора. Холодно ея ребенку любимому въ глубокой, темной, мертвой могилѣ; холодно, страшно холодно ея дѣвочкѣ, и она не сможетъ спасти ее, помочь ей, вмрвать ее оттуда!..

Надо наглядѣться на нее тутъ, въ церкви... вотъ она лежитъ неподвижно, нан, эта веселая дѣвочка! сколько смѣха, шутокъ и радости вносила она въ ихъ домъ, и теперь—холодная, бездыханная! Недѣля, одна недѣля болѣзни, и нѣтъ ея, любимой! Холодъ охватилъ молодую грудь, забрался въ легкія и задушилъ, оледенилъ сердце, радостно бившееся, застудилъ уста и закрылъ глаза неподвижными вѣнками!

Ясно звучатъ голоса молодежи съ клироса; никнутъ головки подругъ—гимназистокъ; въ лицѣ любимицы покойной — одноклассницы Кати тоска и испугъ, свѣча дрожитъ въ ея рукахъ, свѣча, перевязанная пышной розовой лентою.. Задумалась начальница гимназіи, долгимъ взглядомъ смотря на лицо усопшей; грустно звучитъ голосъ старца-протоіерея, знававшего эту дѣвчужку ребнкомъ; діакоинъ, произнося эктени, смгиваетъ слезы, а молодое красивое лицо высокаго священника, сослужащаго протоіерею, полно грустной думы!

Красиво звучитъ высокой теноръ при чтеніи апостола о томъ, что „мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ!“! Дадутъ ли эти слова отраду сердцу матери, растопитъ-ли горячая вѣра страшный холодъ, охватившій ея сердце?!

Она не слышитъ ихъ, этихъ словъ, ничего не слышитъ; она только думаетъ, „какъ холодно будетъ въ могилѣ ея ребенку“.

Прощаніе, Низко склоняется лицо старца-священника, послѣднее благословеніе шлетъ онъ блѣдному личику; и это строгое лицо, сохранившее слѣды былой красоты, скорбнымъ взглядомъ смотритъ на него.

Мать видитъ все; она видитъ, какъ на мигъ склоняется другой священникъ передъ ея дитятей, и его густые волосы

покрываютъ блѣдныя руки усопшей, за нимъ діакоинъ. Всѣ отходятъ; теперь—ея очередь: послѣдній поцѣлуй ребенку, которого она 16 лѣтъ растила, лелѣла и должна отдать землѣ. И эта мысль о вѣчной разлукѣ заставила ее безумно заботиться на поддерживающихъ ее рукахъ и кричать такъ мучительно надорваннымъ голосомъ.

— Голубушка... дѣточка... родная моя, ласточка!..

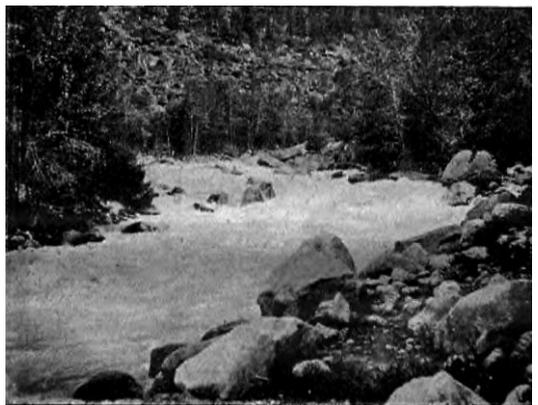
Какими нѣжными словами осыпала она свое дитя, сколько ихъ рвалось изъ ея груди, трепетало въ измученномъ сердцѣ! Но блѣдное дѣвичье личико не отвѣчало на нихъ, на ея жаркіе поцѣлуи, съ которыми она принимала къ ея устамъ, рукамъ и волосамъ!

И опять этотъ путь, послѣдній путь мимо дома, мимо гимназіи, по которому такъ часто ходили ноги ея ребенка!..

Послѣдняя остановка передъ воротами дома, въ который никогда не войдетъ покойница; ея домъ прячется во дворѣ, на улицу выходитъ домъ хозяевъ, но и въ этомъ домѣ любили усопшую. Маленькій мальчикъ и двѣ крошки-

Аргуть ниже р. Куркуре.

Р. Едыгемъ.

стволь мощнаго дерева. Великъ тотъ, кто не боится долгихъ годовъ страданія, великъ потому, что онъ идетъ къ небу, Такъ сказалъ Нарада отшельнику.

Николай Степнякъ.

Были житейскія.

„Холодно“.

(Памѣти Грани К—ой).

Холодно. А солнце свѣтитъ, солнце, поздно вставшее изъ-за тумана, тусклое, зимнее солнце. Мелкія вѣтки ельника, разбрасываемыя грубой рукой, крѣпко прилипаютъ къ дорожному снѣгу, точно хотятъ зарыться въ него: забнутъ закутанныя люди, забнутъ факельщики въ старыхъ потертыхъ сюртукахъ, обшитыхъ прозументами, медленно идущіе за погребальной процессіей; забнетъ мальчикъ съ образомъ впе-

дѣвочки прижались личиками къ холодному стеклу, на ихъ милыхъ личикахъ испугъ и жалость, и ихъ дѣтскимъ сердечкамъ холодно и страшно передъ тайной смерти... Гробъ проносятъ, тихо колыхаются вѣтки на крышкѣ. Онъ исчезаетъ на углу, а кудрявая годовка старшаго мальчика жадно смотритъ ему вслѣдъ грустными глазами.

Другая литія у крыльца гимназіи. Сотни личиковъ глядятъ въ большія окна. Давно-ли по этому крыльцу входила она, и также смотрѣли изъ оконъ ее глаза на тѣхъ, кто шель этой улицей?!

Задумчиво смотря въ каменные стѣны своими окнами на эту уходящую юную жизнь.

Дальше.

Какъ коротокъ этотъ длинный путь для матери! Опять эти сухіе, измученные глаза, безучастно и холодно смотря; она точно окаменѣваетъ на время для новаго приступа мучительной боли.

Вотъ она—эта страшная яма, глубокая, холодная. Мать заглядываетъ туда; мерзлая земля кругомъ... Здѣсь-то положить ея ребенка. Она опять приходитъ въ сознание, она видитъ, что гробъ сейчасъ опустятъ въ могилу.

— Можно мнѣ поцѣловать ее?

Страстной горечью звучитъ голосъ матери, обратившейся съ этимъ вопросомъ къ молодому священнику; вѣдь ея дитя отнимаютъ всѣ эти люди, а онъ, грустно смотря на нее священникъ, только что закрылъ лицо усопшей!

— Можно ли еще разъ поцѣловать ее?

Она видитъ, что слезы набѣгаютъ ему на глаза, и онъ наклоня голову въ знакъ согласія, тихо отходитъ отъ края могилы. Послѣдній взглядъ, послѣдніе поцѣлуи,—и стукъ молотка о крышку гроба, шумъ мерзлой, падающей на него земли, и пѣніе—все это

страшнымъ гуломъ раздается въ ушахъ матери. Она рвется къ тому, что зарываютъ... крѣпкія руки держатъ ее... земля все больше и больше закрываетъ гробъ съ останками ея ребенка!..

Вотъ и яма сравнялась со снѣгомъ, и холмики свѣжей мерзлой земли поднялись надъ нимъ, чернясь среди бѣлыхъ, засыпанныхъ снѣгомъ, могилъ; на него ложатся вѣтки и весь закрываютъ своими листьями и лентами. Мать стоитъ на колѣняхъ, ноги не держатъ ее... вотъ даже земли не видно подъ цвѣтами вѣнковъ.

— Дѣточка!..

Она падаетъ на землю лицомъ въ снѣгъ, приподнимается и отталкивается людей, старающихся ее поднять. Землю, только землю могутъ поцѣловать ея уста. Мать опускается на могилу, раздвигаетъ вѣтки, и прикасается къ этой землѣ устами въ неизяснимой мукѣ, и ея жалоба воплемъ несется по тихому кладбищу, надрывая сердца всѣмъ, кто стоитъ около ея.

— Дитя мое, дѣвочка!.. холодно тебѣ, холодно, а я не могу помочь тебѣ, взять тебя отсюда, а мнѣ невыносимо безъ тебя; мнѣ еще холодно; дитя мое ненаглядное, холодно тебѣ, бѣдная моя?!..

Холодное солнце послѣдними бликами ложится на ленты вѣнковъ, на землю; оно съ высоты зимняго неба тоже слушаетъ эту невыразимую жалобу надорванного сердца!

„Холодно тебѣ, дитя мое одинокое, дорогая моя!.. холодно тебѣ!“

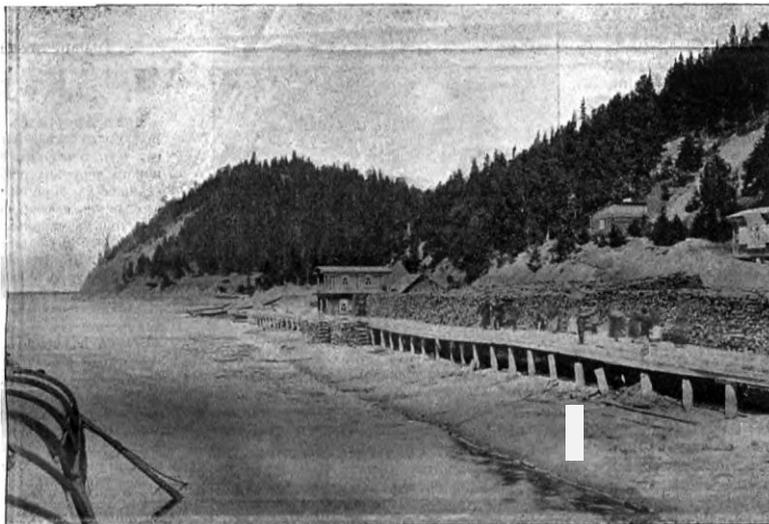
А. Мирская.

Самарово.

Село Самарово лежитъ на восточномъ берегу Иртыша, въ 27 верстахъ отъ впаденія его въ Обь; названіе свое село получило по имени остякаго князя Самара, который тутъ имѣлъ свой городокъ во времена завоеванія Сибири Ермакомъ. Вначалѣ это была ямская слобода; то есть тутъ были поселены ямщики, которые были обязаны повинностью возить почту, идущую изъ Тобольска въ Березовъ и обратно. Теперь это самое населенное и самое бойкое село на протяженіи между Тобольскомъ и Березовомъ. Мѣстность, на которой село расположено, можно назвать единственно живописною на всемъ пространствѣ отъ Тобольска до Томска. Тоскливые плоскіе, поросшіе безконечными

Мостъ черезъ р. Тополеву,

Село Самарово.

и однообразными тальниками, берега, между которыми протекаютъ Иртышъ и Обь, у Самарова превращаются въ крутыя возвышенности, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ.

Въ селѣ считается до 200 дворовъ; церковь въ селѣ каменная; есть училище, въ которомъ учится до 70 дѣтей. Жители села земледѣльемъ не занимаются; культура хлѣбовъ внизъ по Иртышу доходитъ только до села Рѣполова, въ Самаровѣ же успѣваютъ только ленъ и конопля; главный промыселъ жителей Самарова рыболовство, производимое на „пескахъ“, которые они разными неправдами оттягали отъ исконныхъ ихъ владѣльцевъ остяковъ.

Самымъ оживленнымъ периодомъ въ жизни села Самарова было время между эпохами открытія пассажирскаго пароходства по Оби и проведенія сибирской желѣзной дороги, когда все то, что теперь передвигается по этой дорогѣ, и грузы, и пассажиры, отправлялось на

пароходахъ по Оби. Въ то время Самарово считалось на большой дорогѣ и обіеніе его съ остальнымъ міромъ было тогда такое, какимъ оно никогда не было ни до того періода, ни послѣ. Ученые путешественники, ѣдущіе для ученыхъ изслѣдованій на сибирскій востокъ, чиновники, отправляющіеся туда же на службу, купцы изъ восточной Сибири, ѣдущіе на Нижегородскую ярмарку и возвращающіеся съ нея, всѣ имѣли путь черезъ Самарово, всѣ на нѣсколько часовъ останавливались на самаровской пристани. Только въ началѣ сибирской исторіи, въ эпоху путешественникъ:» Снаоарія (1675 г.) великій сибирскій путь подобнымъ образомъ пролегалъ черезъ село Самарово.

Село имѣетъ своего лѣтописца; одинъ изъ его уроженцевъ г. Лопаревъ издалъ книжку „Самарово“ (Спб., 1896 г.). Авторъ партикуляристъ; свою несомнѣнную любовь къ родинѣ онъ ограничилъ тѣсными рамками родного села, не развѣвъ ее въ любовь ко всей Сибири. Книжка содержитъ въ себѣ хронику села, документы и личныя воспоминанія автора. Въ ней тщательно перечислены путешественники, которые заѣзжали въ Самарово, и извлечено изъ ихъ дневниковъ все, что относится до села; перечень начинается съ Снаоарія и Паллааса и доходитъ до года изданія книги; самаровскій грамотникъ узнаетъ изъ этой книги все, что о его селѣ было когда-то сказано Снаоаріемъ, Палласомъ, Кастреномъ, Поляковымъ, Финшемъ, Сомье, Альквистомъ, Гааге и друг. Самолюбіе обитателей Самарова, конечно, удовлетворено этой книгой. „И наше село не лькомъ шито!“ — можетъ сказать самаровскій обитатель. „Вотъ сколько о немъ записано учеными знаменитостями!“ Книга вышла бы для самаровцевъ поучительнѣе, если-бъ была изложена нѣсколько иначе, если-бъ руководящей

идеей было желаніе изобразить, въ чемъ самаровская жизнь сдѣлала прогрессъ, или по крайней мѣрѣ какая измѣненія она претерпѣвала во времени. Лѣтописецъ села Самарова человѣкъ ученый, онъ авторъ многочисленныхъ изслѣдованій по русской древней письменности и по византовѣдѣнію, но въ книгѣ о Самаровѣ его общественные вкусы и религиозныя понятія ничтолько не поднимаются надъ вкусами и понятіями его односельчанъ. А что жизнь села измѣнялась и именно въ смыслѣ прогресса, на это есть указанія въ самой книгѣ г. Лопарева.

Въ 1839 году изъ дѣтей обывателей учились грамотѣ у мѣстныхъ грамотѣвъ всего два мальчика (стр. 53), въ концѣ 60 годовъ, когда учился самъ г. Лопаревъ, было уже училище, хотя и съ бурсацкими

нравами и обрядами. Вотъ какъ г. Лопаревъ описываетъ эту ветхую по педагогическимъ приемамъ школу.

Училище помѣщалось возлѣ церкви. Это былъ маленькій домикъ изъ двухъ комнатъ; въ передней стоялъ огромный ларь съ березовыми розгами. Въ другой классной комнатѣ на печкѣ почти постоянно лежалъ слѣпой старичекъ Трофимъ Яковлевичъ изъ ссыльныхъ солдатъ. Этотъ человѣкъ училъ насъ азбуку: азъ, буки, вѣди, глаголь... кончая ижицею и вообще руководилъ нашимъ обученіемъ. Читашь, бывало, псалтирь и произнесешь слово неправильно—тотчасъ съ печки слышится наставническій голосъ Трофима Яковлевича. Если поднимался шумъ, старикъ слезилъ съ печки и размахивалъ палкой, при чемъ книжки и чернильницы летѣли на ноль. „Во время урока Закона Божія царила мертвая тишина. Всѣ должны были собираться до прихода священника и горе тому, кто

опаздывал. Опоздавшего драли за уши и давали плуки мощною рукою. Так, бывало, двинуть тебя, что прямо летишь под стол. Лыжня разлагали у печки и один или двое, смотря по винь, съ двух сторон поролли розгами тут же, на глазах у всѣх. Драли за всякую молочь: сломаешь ли грифель—пороть, разобьешь ли стекло—драть, не приготовишь урока—порка, опоздал—заушение, не правильно сложил писчую бумагу, так что фабричное клеймо оказалось внизу—на колѣни”.

Так было до 70-х годов. Въ этихъ годахъ повѣяло новымъ духомъ. Въ Самарово прибыла учительница Марья Александровна Федорова, которая учила насъ уже не азъ, буки, вѣди, а: я, бе, ве; учила насъ не часослову и псалтыри, а „Родному Слову“ Ушинскаго, грамматикѣ, заучиванно наизусть стихотвореній, писму, арифметикѣ и черчению географическихъ картъ. Трофима Яковлевича не стало; о. Несторъ сталъ мягче, розги исчезли изъ ларя”.

Это, конечно, самый свѣтлый эпизодъ въ жизни села Самарова. Женщина, можетъ быть молоденькая дѣвушка, только что кончившая гимназію, гдѣ-то „тамъ, во глубинѣ Россіи“, въ самаровской глуши, съ книжкой Ушинскаго, этимъ евангелиемъ русской педагогикѣ, въ рукахъ производитъ реформу въ сельской школѣ, вноситъ свѣтъ въ самаровскую среду. Сколько было совершенно подобными благородными новаторами частныхъ маленькихъ переворотовъ въ многочисленныхъ глухихъ углахъ сельской земли, переворотовъ, поднимавшихъ чувство члвчскаго достоинства въ огулболой сельской средѣ. Вудущій историкъ просвѣщенія въ Сибири съ благодарностью къ авторамъ подобныхъ воспоминаній подбереть извѣстія о фактахъ этого благотворнаго перерожденія старой сибирской народной школы.

Нѣкоторымъ лицамъ изъ населенія Самарова удалось выйти изъ рамокъ сельской жизни и сдѣлать даже ученую карьеру. Сынъ самаровскаго купца г. Шейминъ занимаетъ въ настоящее время кафедру полицейскаго права въ одесскомъ университетѣ; сынъ самаровскаго крестьянина г. Лопаревъ, авторъ книги о селѣ Самаровѣ, извѣстенъ, какъ византистъ и плодотворный авторъ статей по исторіи древней русской письменности. Къ ряду выдающихся самаровцевъ слѣдуетъ присоединить еще Вас. Троф. Земцова, переселенца изъ рязанской губерніи, мѣстнаго общественаго дѣятеля, который оставилъ по себѣ въ мѣстномъ населеніи добрую память, какъ другъ просвѣщенія. П.

Отзывы сибиряковъ о русской литературѣ

Въ рождественскомъ приложеніи къ „Сиб. Ж.“ помѣщенъ снимокъ съ картины г-жи Л. П. Базановой „Сибирскій крестьянинъ“; редакція имѣла иамѣреніе обставить его подобающими текстами, а именно присоединить къ нему статью: „Сибирякъ въ характеристикѣ Н. М. Ядринцева“ и кромѣ того въ другой статьѣ дать обзоръ характеристикъ сибирскаго крестьянина, который появились въ „Литературѣ, ио въ еилу обстоятельство, изложение которыхъ для читателя не представляетъ никакого интереса, картина г-жи Базановой появилась въ одномъ шагѣ приложеній прошлаго года безъ сопутствующихъ текстовъ; статья Ядринцева помѣщена во II приложеніи текущаго года, а обзоръ характеристики пришлось дать не ранѣе, какъ только въ этомъ, III-мъ *).

Не считая того, что было писано на эту тему Шаповымъ и Ядринцевымъ въ литературѣ насчитывается три характеристики сибирскаго населенія. Самая первая была сдѣлана Благовѣщенскимъ; статья была помѣщена въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1882 г. и называется „Записки о Сибири“. Статья написана въ очень нервномъ тонѣ; статья въ высшей степени несправедливая и пристрастная. Факты представлены въ ложномъ освѣщеніи, лжесвидѣльствамъ дана полная вѣра. Въ русской литературѣ ни до того времени, ни послѣ не появлялось статьи, въ которой былъ бы такъ ошельманъ сибирскій народный характеръ.

„Сибирское населеніе,—говоритъ Благовѣщенскій,—слишкомъ часто, если не вообще—тупое и озлобленное: ѣдятъ другъ друга и тѣмъ сыты бываютъ“. Это однако какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ звани... Самое пріятное дѣло—это сожрать заѣзжачаго члвчскаго, или какъ здѣсь говорится „россійскаго“ (расейскаго?)...

*) Такъ какъ новые подписчики не будутъ имѣть приложеній за прошлый годъ, то мы сочли своимъ долгомъ отпечатать для нихъ картину г-жи Базановой во второй разъ.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ, цитируетъ члвчскаго чужіе слова: „Къ шести этихъ гадовъ (комаровъ) нужно сказать, что они вопль гармонируютъ съ мѣстнымъ населеніемъ—чрезвычайно назойливы, ядовиты и самымъ нахальнымъ образомъ высасываютъ кровь, и за тѣмъ отъ себя прибавляютъ: „Увеличьте этотъ приговоръ на нѣсколько градусовъ и получится восточная Сибирь, гдѣ отъ Иркутска до Благовѣщенска только и видишь, что каменная душа“ и „всѣ степени злодѣйства“. Здѣсь одно спасеніе собаки. Затѣмъ—безднчисленное множество заповоръ, заряженныхъ ружья и револьверы; домъ, кругомъ замкнутый на ночь желѣзными болтами, словно это не жилище мирнаго члвчскаго, а казематъ, но и тутъ домашніе воры по ночамъ пробурлаиваютъ стѣны и воровство держитъ населеніе въ вѣчномъ страхѣ, по ночамъ, когда все спитъ, хоть раскричись о помощи—никто и ни за что не выйдеть на улицу... Наступила осень, все поспѣло, и начинается повалное, сплошное обворовыванье огородовъ. Мало того, что украдутъ изъ огородовъ все съѣдобное—на смѣхъ еще, у какой нибудь несчастной старухи поведергиваютъ капусту и развѣсятъ ее по тыну. Спрашивается, что къ этому побуждаетъ? Да привычка къ злбѣ, — и обыкновенно подобная гадость возбуждаетъ не преслѣдованіе виновныхъ, а всеобщее злорадство. Здѣсь всѣ рады несчастію ближняго и только и глядятъ по окнамъ,

Сибирскій крестьянинъ.
(Картина Л. П. Базановой).

чтобъ поживиться. Чтобъ здѣсь кто-нибудь оказалъ безкорнство, безъ лицемерія, каку-нибудь услугу или, покрайней мѣрѣ, на сдѣланный ему вопросъ далъ бы совѣтъ, — этого не дождаться во вѣки.

Передавъ рядъ разсказовъ о томъ, какъ злые сибиряки убивали бродягъ ради промысла, Благовѣщенскій говоритъ: „Но не изумляйтесь, когда сибирякъ просто любить заниматься такими дѣлами, ибо не далеко ушло и остальное сибирское общество. Было время, когда въ Сибирь явилась обширная семья декабристовъ и сибирское общество отнеслось къ нимъ съ крайнимъ недоброежелательствомъ—оно оскорбляло и терзало ихъ, сколько могло и точно также ругалось надъ политическими ссыльными XVIII вѣка и новѣйшихъ временъ“.

Только старовѣры, извѣстные въ Забайкаліи подъ именемъ „семейскихъ“, заслужили симпатіи этого писателя. „Семейская община,—пишетъ онъ,—крѣпка остатками кореннаго народнаго обычая права, почти забытаго у сибиряковъ. „Семья“ остается крѣпкимъ союзомъ родичей и не разражена, какъ у всего сибирскаго населенія; по этому старовѣры никогда не смѣшались ни съ инородцами, ни съ каторжными“.

„Сибиряки давно уже начали періодъ своего вырожденія“. Типъ сибирской женщины, — утверждаетъ авторъ,—распадается на два; одинъ типъ русскій, другой черной. Русскія женщины сохранили русскія черты лица; онѣ гораздо дѣятельнѣе, умнѣе, приличнѣе“. Но большинство сибирскихъ женщинъ, „чистокровныя сибирячки, карымки—злы, мстительны, коварны“. Кончая характеристику сибирячки, злобствующей публицистъ доходитъ до „геркулесовыхъ столбовъ“. „Сибирячка тупа, неприятна и лѣньна до крайности и вмѣстѣ страшно нахальна. Родится у нея ребенокъ, и мать, отъ нечего дѣлать, начи-

наетъ тиранить его, то ежеминутно трясъ его въ качалкѣ, то боляетъ съ нимъ, дразня, заѣдывая его, будто бы отъ любви, словомъ не давая ему ни минуты покоя, пока иной разъ не замучитъ его до смерти“.

„Сибирское населеніе по совершенной справедливости, рѣзко отличаетъ себя, какъ отъ „семейскихъ“, такъ и отъ „русскихъ“, по здѣшнему „россійскихъ“, которыхъ оно по своей дикости, терпѣть не можетъ... „Сибирячки, подобно дикарямъ, вѣчно жуютъ смолку отъ лиственницы, такъ называемую „сѣрку““.

Изъ этихъ извлеченій видно, какъ неразборчиво авторъ сибирефобъ обращается съ своими данными. Сибирскій читатель знаетъ хорошо, какіе общественные элементы вызываютъ описанное авторомъ осядное положеніе, заповри, болты, заряженныя ружья и револьверы. Въ оправданіе автора можно, впрочемъ, сказать, что когда онъ писалъ, только что начинало выясняться значеніе ссыльныхъ элементовъ для Сибири. Едва ли справедливо нареканіе автора на сибирское общество за недоброежелательный пріемъ декабристовъ; не будемъ оспаривать, что это было, но слѣдовало бы хорошо знать составъ того общества, о которомъ говоритъ авторъ, состояло ли оно исключительно изъ сибиряковъ или значительную часть его составляли пріѣзжие какъ это всегда было въ Сибири, разумѣя тутъ не низшіе классы населенія, а чиновниковъ и купцовъ. До какой степени неосторожно сибирефобъ размахиваетъ своимъ публицистическимъ мечомъ, показывается эта фраза: „Кровожадность сибиряковъ доходила до того, что иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ загонять на смерть тринадцать такнхъ охотниковъ за горбачами (т. е. за бродягами)“. Обвиненіе, конечно, нужно тутъ переставить. Коварнѣе всего для ненавистника, Сибири было то, что часть своихъ данныхъ онъ бралъ изъ газеты „Сибирь“, которую издавали и редактировали всегда сибиряки, и у Ядринцева предполагая, что статьи, которыми онъ пользовался, писались такими же заѣзжими людьми, такими же ненавистниками Сибири, какъ и онъ самъ, и не подозревая, что Ядринцевъ и редакторы „Сибирь“ были мѣстные сибирскіе патриоты. Г. П.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Къ рисункамъ

Видъ Аргута съ перевала между Каиромъ и Болтуртагомъ. Аргутъ притокъ Катуня; у устья, гдѣ онъ течетъ въ тѣснинѣ, онъ недостаточен. Кому нужно пересѣчь его съ запада на востокъ, ѣдутъ сначала къ вершинѣ р. Каира, который впадаетъ въ Аргутъ слѣва; спустившись въ долину Каира, переходятъ черезъ него въ бродъ съ лѣваго берега на правый и поднимаются на высокой хребетъ, отдѣляющій Каиръ отъ р. Болтуртага, другого притока Аргута. Съ высокаго перевала съпускается этотъ хребетъ видна долина Аргута, рѣка представляется блѣлой неподвижной чертой; съ этихъ высотъ члвчскаго глаза не подозрѣваетъ пляски волнъ; нѣтъ ни малѣйшаго намека на титаническую работу на днѣ долины, по Болтуртагу дорога спускается къ берегамъ Аргута. У В. В. Сапожникова въ его книгѣ Катунь (Томскъ, 1901) Аргутъ описанъ на стр. 13. Вотъ строки, которыми алтайскій альпинистъ описываетъ видъ на долину Аргута съ Болтуртагскаго перевала. Отсюда (т. е. съ сѣда перевала) положительно слѣдуетъ подняться на гриву, чтобы взглянуть сверху на „Аргутскую пропасть“. Со стороны сѣда подъемъ ничтожный и отлогій, но лишь вы подходите къ краю, какъ подъ нашими ногами открывается потрясающая картина. Крутой обрывъ съ обнаженными скалами падаетъ въ узкую глубину долины, откуда доносится ворчанье грязнаго Аргута, текущаго) среди выжженной солнцемъ прибрежной полосы. Съ другой стороны поднимаются еще болѣе крутыя и высокія скалы, и на всемъ лежитъ мрачный колоритъ красныхъ и темнокоричневыхъ тоновъ“.

Аргутъ выше р. Едыгема. Въ Аргутъ впадаютъ слѣва, считая отъ устья къ его вершинѣ, Каиръ, Едыгемъ и Куркуре, справа Тополевка. Видъ снятъ на мѣстѣ выше Едыгема.

Аргутъ ниже р. Куркуре. Предиудній и этотъ видъ оба сняты въ мѣстности между р. Едыгомъ и Куркуре, но предыдущій ближе къ Едыгему, а этотъ ближе къ Куркуре.

Р. Едыгемъ. Самый мощный притокъ Аргута. Мостъ черезъ р. Тополевку. По этому рисунку читатель можетъ составить себѣ представление о мостахъ черезъ горныя рѣки въ Алтаѣ; только алтайская горная лошадь осмѣливается пускаться въ путь черезъ такую баррикаду; но и ей, опытной, приходится каждый шагъ обдумывать, что она дѣлаетъ, склонивъ голову къ самой мостовой; нужно ошупать копытомъ каждое бревно или каждый камень прежде, чѣмъ доврнться ему.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.